

18+

Вадим Никифоров

Хочу всё забыть

Вадим Никифоров

Хочу всё забыть

<https://litres.ru/74340699>

ISBN 9785007096409

Аннотация

«Хочу всё забыть» — это пронзительная история взросления, где каникулы в Коннемаре становятся точкой невозврата. Путешествие от детских пирожков до холодного Фриско и обратно — это поиск утраченного рая, который всегда пахнет дождём и надеждой.

Содержание

От Кевина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Хочу всё забыть

Вадим Никифоров

© Вадим Никифоров, 2026

ISBN 978-5-0070-9640-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Хочу всё забыть!

От Кевина

Лежу на диване. Солнце уже высоко. Каникулы. Я собираюсь на реку, Дженни позвала. Я собираюсь из-за неё. Из радио: «Сегодня шестое июля. Ожидается дождь...» Где-то в Дублине. Над благословенной землёй Коннемары огромное ясное небо и никакого дождя. Что ж, на реку!

— Дженни, Дженни!..

Калитка открыта. Зайти, не зайти? Мы знакомы со вторника, сегодня среда, шестое июля, и кто я такой, чтобы вот так...

— Дженни нету. Ты кто?

Мне не нравятся пьяные.

— Я Кевин. А Дженни...

— Ушла.

— Она обещала на реку пойти.

— Так она и пошла. Не с тобой, — усмехнулся, икнул и пошёл. Неприятный мужчина. Дженни отец?

На реке. Брызги, визги, велосипеды вповалку, одежда разбросана. Дженни — в центре событий.

— Кевин! Давай к нам!

Не знаю. Я городской и несмелый. Я не знаю ребят, что купаются с Дженни.

— Давай!

Забежал. Прямо в футболке и шортах. Бледное тело, ху-

дые ключицы — не стоит показывать. В школе дразнили, не хватало, чтоб здесь.

— Ты в одежде? Крутой! — парень толкнул, я ответил, мы заборолись, нырнули, и под водой расцепились. Я вынырнул. Воздух! Вокруг все смеются. Всем хорошо. Мне тоже.

А Дженни красивая. Велосипеды у всех, кроме меня. Я на багажнике Дженни. Платье в горошек, спина, две косички. Красивая, очень. Я очень рад, что приехал на эти каникулы. Мог бы торчать в скучном Дублине, смотреть телевизор, шерстить библиотеки в поисках книг, что ещё не прочитаны. Я книжный мальчик. Но не в Коннемаре.

— Приехали. Дальше пешком. Или зайдёшь?

Вот так так. А в романах мы бы долго держались за ручки, а на новом этапе непростых отношений она пригласила домой в следующий вторник. И я бы готовился.

— Ну?

— Да, конечно.

— Скажите, какой!

Дом у Дженни разорван на две половины. Одна — папы Дженни, где пахнет окурками, грязным бельём и тяжёлыми мыслями. А другая — для Дженни. Там просто, уютно, есть несколько книжек, цветы на подоконнике. Скромно и здорово.

— Чего там вот так?

— А... — у Дженни улыбка вернулась. Пока были на половине отца, она хмурилась.

— Он ругает тебя?

— Ты дурак?

Я дурак. Что я лезу?! Сам испытал.

Папа с мамой расстались интеллигентно. Он завёл себе женщину и однажды признался, что больше не может так жить.

— Я понимаю, — мама сидела на табуреточке, грела ладони между коленок, плечи опущены, волосы в шишечку. Бедная женщина-библиотекарь. Где её жизнь пошла не туда?

Сидел за романом. И щит Стивенсона меня защищал от проблем. Но я слушал.

— Пока.

— Ну пока.

— Заходи.

— Может быть.

Вот и всё. Заходил, заносил какие-то деньги. Однажды игрушку купил — экскаватор. Так и лежит под кроватью в коробке. Не будем об этом.

А Дженни сказала: — Зажмурься!

Зажмурился. Что-то гремело, на кого-то ворчала.

— Отжмурься!

— Это скрипка?

— А то! Мамина.

— И ты умеешь?

— Ну да...

Чуть получше волынки. То есть вообще непонятно, это так и положено или набор мерзких звуков.

— Ну вот.

— Ужас!

— Честный. Люблю.

Честных вообще? Или меня за то, что я честный? Или скрипку свою? Шёл в смятении. Так же пишут в романах?

Дома бабушка. Скалка, вопрос: «Где ты шлялся?»

Она не отлупит. Она меня любит. Когда приезжала к нам в Дублин, всегда баловала.

— Я на речку ходил...

— А сказать?

Отлупила. Не больно, обидно. Лежу, фантазирую, что вот, пострадал за любовь. Глупость, конечно, но утешает.

Проснулся от счастья. Оно накатило: «Вставай, пропустишь четверг!» Подскочил. Также солнце и двор за окном, на котором четыре козы, кот, ворона на дереве. Бабушка что-то копает в своём огороде, едет автобус из Дублина, но всё по-другому. Я счастлив.

Есть два состояния: счастлив, несчастлив. А эти: нормально, пойдёт, всё в порядке — несчастье. Прямо слитно. Оно.

Как же я жил до тебя, моё счастье? Сколько прочитано книг, сколько времени съел экран телевизора, глупая школа, попытки себе доказать, что у меня всё нормально, а другие ребята смеются, играют, дерутся — потому что они дураки

ненормальные. А я-то нормальный.

Так вот. Я был ненормальный.

— Дженни ушла, — папа Дженни лежит на диване, в зубах сигарета, из кармана бутылка торчит, укрылся журналом, на котором написано «Лайф».

Я стою на пороге, вписался лицом в паутину табачного марева, и мне неприятно.

— На реку ушла?

— Я не знаю...

Проверил везде: на реке, на остановке автобуса, в магазинчике, в церкви, в отделении почты, в полицейском участке.

— В паб загляни, — мне сказали в полиции. Добрые люди. В Дублине вряд ли бы что-то сказали вообще.

Заглянул. Вот она! Кружка Гиннеса. Стопочка виски.

— Ты чё? Ты чё, пьёшь?

Так у нас говорила соседка. Она из деревни, из большей глуши, чем Коннемара, и «чё» — её форма защиты. Чокнешь, и сразу понятно: опасен, неуправляем, не то что дрищи городские. Её выражение — «дрищ».

— Да вот думаю. Папа же пьёт, чем я хуже?

— Да кто тебе дал эту дрянь?

— Тут стояло. Я только попробую.

— Дженни, не надо!

Хлебнула из кружки, поморщилась. Хлопнула стопочку.

— Нет!..

— Поздно, поздно...

И появляется, видимо, бармен:

— Так-так, вот и закуска. А это... а где моё виски?

— «Мой» надо правильно, — Дженни глядит очень дерзко. Это виски подействовал.

— Я его выпила!

— Дженни, ты дура? Отцу всё скажу!

— Говори! Хоть какая-то польза!

— Он мой дядя? — Дженни рвало за кустами, я сторожил, чтобы никто не мешал.

— По папе. Вместо того чтобы помочь, наливает ему...

— А где твоя мама?

Ну вот, всё испортил. Дженни не рвёт. Дженни злится. Бреду виновато за ней. Извиняюсь.

— Дженни, прости. Я нечаянно...

— Всё в этом мире нечаянно! Хоть бы что-то намеренно!

Мама Дженни сказала, что уезжает в Америку. Но скоро вернётся. Скоро ещё не прошло.

— Три года, одиннадцать месяцев и четырнадцать дней! Что там в Америке мёдом намазано?!

— Я не знаю...

Я ездил на поезде в Ольстер, следующим летом отец обещал меня в Англию, откуда его новая пассия, но это ещё под вопросом, мама сказала. А в Америке не был.

— Может, там ей понравилось...

— А я? А мой папа?

Молчу. Что тут сказать. Мне-то проще. Вот мой отец, вот его новая женщина, но он меня любит, хоть и стесняется этого. Я ему мщу за несчастную маму, но скоро прощу. И это скоро наступит скорее, чем Дженни.

— В церковь пошли!

Я не спору. За ней — хоть куда.

— Заходи и иди вон дотуда!

Иду меж рядов. Мне прямо в алтарь или раньше остановиться?

— Стой вон там!

Встал.

— Зажмурься!

Зажмурился.

— Всё, открывай!

Открываю глаза. Дженни идёт к алтарю в венке из ромашек, кусок мешковины — фата, очень торжественна. Встала рядом.

— Эх, священника нет. Ладно, давай, ты за священника.

— А что говорить?

— Согласна ли ты, Дженни О'Галахер...

— Согласна ли ты, Дженни О'Галахер...

— Взять в мужья Кевина. Ну? Какая фамилия?

— Флаэрти...

— Фу, пусть будет моя!

— Пусть будет твоя...

— Я согласна. А ты?

— Я согласен.

И мы поженились. На одиннадцать лет, но это не значит почти ничего, кроме того, что мы будем жить с пониманием, что мы есть друг у друга. Это так здорово. Папы и мамы, и бабушки, учителя, как-то люди на улице, даже друзья — это чужие. А мы есть друг у друга. И Бог обещал, что это навечно. Мы специально нашли это в библии.

— Сказано там, там всё как братья и сестры. Будем мне братом? Там?

— Буду.

Я буду всем. Я не знаю, что ещё сделать для Дженни.

Каникулы вышли в тираж, 31 августа — выигрыш. Кому повезло, остаётся в деревне, просто надо ходить ещё в школу, но это несложно, когда за окном вся Коннемара, а кто проиграл — отправляется в Дублин.

— Мама приехала! Кевин, ты где?

Я в сарае, сижу за козой и делаю вид, что я свой. Коза недовольна, какой же я свой, но не выдаёт меня. Я никуда не поеду. К чёрту Дублин! Я остаюсь!

Я уезжаю. В душном салоне, набитом крестьянами, курами, козами, я и мама — два серых пятна. Она — потому что из Дублина только что, я — потому что покойник почти.

Дженни смотрит в окно и улыбается:

— Ты же вернёшься?

— Конечно!

Есть план. Я доеду до города, сдам в ломбард всё, что нашёл, выну из маминой сумочки всё, что найду и уеду обратно. Будем жить с Дженни. Её папа пьёт, и ему всё равно!

Не сработало. Школа, уроки, новая власть на школьном дворе, с которой не то что подражаться, смотреть в её сторону страшно, но я же другой, я женатый мужчина, и смело иду на рожон.

— Эй, сопляк. Чё бродишь здесь?!

Как наша соседка. А нашу соседку я знаю. Грозная, грозная, но плачет ночами, стены-то тонкие.

— Хочу и хожу!

— О, ты дерзкий! А ну-ка...

И били меня, и это мне нравилось, потому что я занят и потому не могу в Коннемару, а не потому, что зассал...

Четверть прошла, наступили каникулы.

— Мам, мы же к бабушке?

— Нет.

— Бабушка ждёт. Она твоя мама.

— Кевин, отстань!

У неё на работе завёлся мужчина, который ей нравится. Стала румяниться, волосы сделала белыми, туфли купила.

— Я сам же доеду, пожалуйста? Ты просто купи мне би-

лет, а сама отдыхай? Поживи для себя?

Вот я жук! Вот я умный!

В автобусе тесно, специально таких мужиков сажают в автобусы, чтобы всем тесно? Где они жрут так, что не влезают в рамки сиденья?

— Малыш, до Коннемары?

Значит, попутчик. Не повезло. Толстый мужчина меня вдавил меня в стену, к окну. Жуёт бутерброд, но я потерплю до деревни. Месяц терпел, ничего.

Коннемара, встречай! Никого. Мама маме писала, но я же быстрее письма. А Дженни не знает.

Октябрь. Всё жёлтое. Чёрные точки ворон носят, носят, будто смеются: Дженни не знает, Дженни не видно, может, не ждёт!

— Да пошли вы!

Пошёл сразу к Дженни. Что мне какая-то бабушка!

Дженни лежит на диване, в зубах сигарета, в кармане бутылка. Накрыта журналом с названием «Лайф».

— Дженни, привет! Ты чего?

— Представляю, как папа живёт.

— Ну и как?

— Да хреново. Привет, ты приехал!

Поцеловались, неловко, смешно, но приятно.

— Ну как ты?

— Ну вот, я к тебе.

— А каникулы... да...

Что-то липкое кажется в воздухе. Хочется выйти.

— Дженни, на реку пойдём?

— А? Да...

— Поедем на велосипеде?

— Нету. Папа пропил...

Что нам делать? Каникулы, тёплый октябрь, мы на реке, на берегу. На бревне и так грустно.

— Вот она, осень жизни...

— Чего?

— Ты не поймёшь, ты ещё маленький...

— Дженни!

— Да ладно...

Ах так! Я докажу, что не маленький!

— Бабушка, сколько стоит велосипед?

— Тебе-то зачем? Ты не умеешь...

— Ну надо!

— К лету с мамой накопим и купим тебе.

— Мне надо сейчас!

— Ишь какой. Только приехал, сразу с порога — мне надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.